

УДК 81'25

ПЕРЕВОД МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

ЮДЕНКО А. И.

доцент
Национальная академия
изобразительного искусства и архитектуры
yudenko29@gmail.com

Статья посвящена лингвистическому анализу прагматических трансформаций в международно-правовом тексте-переводе, которые рассматриваются как способ интерпретации переводчиком институциональных стратегий текста-оригинала. Выявлено, что использование прагматических или тактических трансформаций при переводе международно-правовых текстов обусловлено знаками внутренней диалогичности в тексте-оригинале, что, с одной стороны, иконично воспроизводит сложности переговорного процесса и, с другой стороны, выявляет универсальную дихотомию международно-правовых концептов “общее благо” и “суверенитет”.

Ключевые слова: перевод, прагматические трансформации, международно-правовой текст, стратегия, диалогичность, концептуальная дихотомия.

ПЕРЕКЛАД МІЖНАРОДНО-ПРАВОВОГО ТЕКСТУ: КОГНІТИВНО-ПРАГМАТИЧНИЙ І ЛІНГВІСТИЧНИЙ АСПЕКТИ

ЮДЕНКО О. І.

доцент
Національна академія
образотворчого мистецтва і архітектури
yudenko29@gmail.com

У статті запропоновано лінгвістичний аналіз прагматичних трансформацій у міжнародно-правовому тексті-перекладі, розглянутих як засіб відтворення перекладачем інституційних стратегій тексту-джерела. Метою статті є спроба довести гіпотезу про те, що прагматичні трансформації є результатом перекладацької інтерпретації когнітивно-комунікативних стратегій тексту-джерела з акцентуванням певного аспекту міжнародного правовідношення – його об’єкта, суб’єкта, умов здійснення і сфери застосування. Змістовно-сміслова адекватність перекладу, зокрема й автентичного, “вимірюється” відповідністю когнітивно-прагматичних структур текстів перекладу й оригіналу. Для виконання поставленої мети і завдань використано сукупність методів, зокрема й когнітивно-концептуальний та прагматичний аналіз для визначення стратегій міжнародно-правового тексту-джерела, а також когнітивного підґрунтя таких стратегій. Прагматичні перекладацькі трансформації визначено як такі, що пов’язані з модифікацією не лише форми, а й змісту тексту-джерела, оскільки можуть розширювати або звужувати його задля збалансування прагматичного впливу перекладу. З’ясовано, що використання прагматичних або тактичних трансформацій при перекладі міжнародно-правових текстів зумовлене знаками внутрішньої діалогічності в тексті-оригіналі. З одного боку, така діалогічність (інтертекстуальність) іконично відтворює складності переговорного процесу, що передують фазі укладання угоди. З іншого боку, знаки діалогічної напруженості виявляють універсальну дихотомію міжнародно-правових концептів “загальне благо” і “суверенітет”, що пов’язано зі специфікою міжнародної нормотворчої діяльності, спрямованої на встановлення пропорційного балансу між спільним (міжнародним) і індивідуальним (суверенним) у моделі необхідної (“жорстке”

право) або бажаної (“м'яке” право) поведінки держав у міжнародних відносинах. Іншими чинниками застосування прагматичних трансформацій є невідповідність ключових правових, політико-ідеологічних і культурних концептів у міжнародно-правовому тексті-джерелі концептосистемі перекладача; багатозначність і нечіткість у визначенні понять, позначених термінами в текстах, що регламентують найбільш динамічні у своєму розвитку галузі міжнародного права; наявність у тексті оригіналу інституційних стратегій “урахування національних інтересів” і “вуалювання суперечностей”.

Ключові слова: переклад, прагматичні трансформації, міжнародно-правовий текст, стратегія, діалогічність, концептуальна дихотомія.

TRANSLATION OF INTERNATIONAL LEGAL TEXT: COGNITIVE-PRAGMATIC AND LINGUISTIC ASPECTS

YUDENKO Oleksandr

Associate Professor

National Academy of Fine Arts and Architecture

yudenko29@gmail.com

Introduction. The article offers a linguistic analysis of the pragmatic transformations in the target international-legal text viewed as a means of clarifying the strategic program of the source text. The urgency of the chosen topic is due to the association of the problem with the research principles and methodology of a new cognitive-discursive scientific paradigm in view of the paper's focus on the source and target text's cognitive-conceptual and pragmatic adequacy.

Purpose. The paper aims to prove the hypothesis that pragmatic transformations in the target text result from the translators' interpreting the cognitive-communicative strategies of the original text in the aspect of accentuation a certain aspect of the legal relationship – its object, subject, conditions and scope of application.

Methods. To achieve the purpose a set of *methods* is applied, including the cognitive-conceptual analysis, pragmatic analysis to determine the strategies of the international legal text-original as well as the elements of the methods of contextual interpretation analysis and analysis of pragmatic transformations, based on a new typology of translation transformations.

Results. The major *results* refer to the main factors to cause the pragmatic transformations, as well as to their linguistic markers specified as the signs of the original text' internal dialogicity that, on the one hand, iconically reproduces the complexities of the negotiation process and, on the other hand, reflects the dichotomy of international legal concepts of "common good" and "sovereignty". It is shown that the strategies of translation and the types of the chosen pragmatic transformations, reflects the translator's stance towards the normative article's meaning and the denoted legal relations.

Conclusions. Summing up, the author arrives at the *conclusions* about the pragmatic transformations' communicative potential to influence the meaning of the text-original, tactically modifying its strategies by specifying, narrowing or expanding the articles' normative content.

Key words: translation, pragmatic transformations, international-legal text, strategy, dialogicity, conceptual dichotomy.

Формулирование проблемы и обоснование ее актуальности. Проблема содержательно-смысловой адекватности перевода приобретает новые исследовательские акценты в контексте современной когнитивно-коммуникативной парадигмы, которая характеризуется новыми принципами, методами и исследовательскими ориентирами в изучении традиционных языковых и речевых явлений.

Актуальность статьи определяется новизной и перспективностью проблемы сопоставления текстов оригинала и перевода в ракурсе их когнитивно-концептуальной и прагматической адекватности. Особое теоретическое значение указанный подход приобретает при исследовании переводов юридических текстов, которые вследствие потребности к их унификации и единообразию, казалось бы, логично изучать в рамках универсалистской концепции –

в ракурсе использования формально-семиотических средств, обеспечивающих эквивалентность перевода, без внимания к когнитивно-прагматическому аспекту переводческих трансформаций. В то же время, такие трансформации способны определенным образом воздействовать (конкретизировать, сужать, расширять) на пропозициональный смысл оригинала и, в частности, тактически модифицировать его исходные стратегии.

Целью данной статьи является попытка доказательства гипотезы о том, что прагматические трансформации в тексте перевода являются результатом интерпретации переводчиком когнитивно-коммуникативных стратегий текста-оригинала в аспекте акцентирования определенного аспекта международного правоотношения – его объекта, субъекта, условий осуществления и сферы применения. Содержательно-смысловая адекватность перевода, в том числе аутентичного, “измеряется” соответствием когнитивно-прагматической структуры переводного текста тексту-оригиналу. Использование термина “когнитивно-прагматический” мотивировано пониманием нами стратегий как “когнитивной программы дискурса” (Van Dijk, 1983; 2008; Кравченко, 2012, с. 84-89).

Цель конкретизируется в **задачах** исследования: выявить концептуальные и когнитивно-прагматические особенности международно-правового дискурса, воздействующие на выбор стратегий и тактик перевода; обосновать роль прагматических трансформаций в обеспечении смысловой адекватности перевода международно-правового текста; обобщить факторы и причины применения прагматических трансформаций; идентифицировать знаки внутренней диалогичности и концептуальной дихотомии международно-правовых текстов, мотивирующие применение прагматических (тактических) трансформаций.

Анализ последних исследований и публикаций. В соответствии с современными подходами перевод осмысливается как целенаправленная лингвопсихоментальная преобразующая деятельность личности, соотносящей “собственный интерпретативный процесс текста-оригинала с программированием интерпретации адресатом текста-перевода” (Селиванова, 2003, с. 79). Работы, выполненные в ракурсе новой когнитивно-коммуникативной парадигмы, фокусируются, главным образом, на лингвокультурологических и этнических аспектах перевода как межкультурной коммуникации (Комиссаров, 1991; James 2002; House, 2009; Ketabi & Ordudari, 2008), средства преодоления энтропии при межъязыковой коммуникации, требующей снятия барьеров “двух этнических онтологий и культур” посредством компенсации лагун различного порядка. При таком исследовательском ракурсе фаза порождения вторичного текста предполагает сопоставление рефлексии переводчика с кодом иного языка с учетом универсума иной культуры, интериоризированного бытия иного этноса (Селиванова, 2003, с. 80-81).

Для решения поставленных задач использовалась совокупность методов, в том числе когнитивно-концептуального анализа и прагматического анализа с целью определения стратегий международно-правового текста-оригинала, а также прием применения прагматических трансформаций, разработанный на основе новой типологии переводческих трансформаций, предложенной Е.А. Селивановой (2012).

Изложение основного материала. Обеспечение смысловой адекватности перевода предполагает адаптацию концептуального пространства и мотивационно-прагматической составляющей текста-источника в соответствии с национально-этническими концептами и коммуникативными конвенциями культуры, частью которой является текст перевода.

В международно-правовом дискурсе подход к рассмотрению стратегий как когнитивно-обусловленной категории приобретает дополнительное “измерение”, поскольку когнитивно-концептуальной базой жанровых и институциональных стратегий этого вида дискурса служат концепты-прототипы международно-правовой картины мира (Кравченко, 2006), реализация которых формирует концептуальное пространство конкретного акта и стратегии государств-участников. Так, концептуальную структуру международно-правового текста определяет

дихотомия общего и индивидуального, представленная универсальными концептами “общее благо” и “суверенитет”, которые служат когнитивной основой для реализации противоположных коммуникативных стратегий: *достижение консенсуса* и *учет национальных интересов государств-членов договора*. Промежуточной стратегией является стратегия *вуалирования разногласий*, которая определяется межкультурным характером международно-правовой коммуникации и отражает процесс согласования текста документа и выработки единых правил поведения представителями государств с различными политико-экономическими целями и интересами.

Все указанные стратегии имеют институциональный характер, так как связаны со спецификой международного нормотворчества, направленного на установление пропорционального баланса между общим (международным) и индивидуальным (суверенным) в модели необходимого или желательного поведения в международных отношениях. Принимая во внимание универсальность указанных институциональных стратегий как реализации ключевых концептов международно-правовой картины мира, можно предположить определенную унифицированность лингвальных средств их реализации.

Во все время в аспекте перевода это вовсе не означает преобладания метода калькирования и средств обеспечения эквивалентности (формальных трансформаций фонетического, словообразовательного, морфологического и синтаксического уровней), так как международно-правовой текст при его переводе так или иначе адаптируется к нормам другой культуры – не только языковым, но также и этническим, политико-правовым, экономическим и др. Унифицированность следует понимать, на наш взгляд, на уровне когнитивно-прагматической адекватности, которая достигается посредством выбора и применения формально-содержательных трансформаций, в том числе с прагматическим компонентом (о новой типологии переводческих трансформаций – см. Селіванова, 2012). Такой вид трансформаций связан с модификацией не только формы, но и содержания, расширяя или сужая его дополнительными смысловыми приращениями с целью “сбалансирования прагматического воздействия перевода” (Селіванова, 2012, с. 467) на его адресата.

Помимо такой очевидной причины трансформаций, как разносистемность языков текста-источника и его перевода, анализ материала позволил нам выделить несколько дополнительных факторов, определяющих применение при переводе международно-правовых текстов формально-содержательных трансформаций с прагматическим компонентом (далее мы будем обозначать их как “прагматические трансформации”).

Первый фактор связан с гетерогенностью национальных правовых систем, с отсутствием в них соответствующих реалий, обозначенных в тексте-оригинале, и, шире, с возможностью несоответствия концептосистеме переводчика ключевых правовых, политико-идеологических, культурных концептов либо объема понятий, связанных с этими концептами в международно-правовом тексте-источнике. Вопрос трансформационного обеспечения концептуальной и прагматической адекватности особенно актуален, на наш взгляд, при переводе текстов, регламентирующих международное частное право (авторское, патентное, уголовное, семейное, наследственное).

Вторая причина использования прагматических трансформаций связана с многозначностью и недостаточной четкостью в определении понятий, обозначенных терминами в международно-правовых актах, что, в первую очередь, касается текстов, регламентирующих наиболее динамично развивающиеся отрасли международного права: международное экономическое право, международное экологическое право, международное информационное право, право международных водотоков и т. д.

Третьей причиной трансформационного перевода с прагматическим компонентом является специфика институциональных стратегий текста-оригинала. Можно предположить,

что наиболее многочисленные в количественном и видовом отношении прагматические трансформации будут иметь место при переводе тех фрагментов международно-правовых актов, которые реализуют институциональные стратегии *учет национальных интересов и вуалирование разногласий*.

Это обусловлено тем, что стремление соотнести в едином для всех правиле международного поведения интересы различных государств / групп государств (например, слаборазвитых и индустриальных стран, космических держав и стран, не имеющих доступа к космосу и др.) отмечено в конечном тексте “следами” переговорного процесса: многочисленными знаками внутренней диалогичности в виде противительных, уступительных, условных отношений, вводно-модальных конструкций, осложненных оборотами структур, соответствующих правозапрещающим и праворазрешающим оговоркам, лексико-семантическими средствами, вербализирующими оппозиционные ценности и др. В свою очередь, знаки внутренней диалогичности выявляют отмеченную выше концептуальную дихотомию “общее благо” и “суверенитет”, которая в международно-правовых текстах конкретизируется концептуальными оппозициями “свобода – запрет”; “равенство / неравенство” (невозможность реализации равных прав вследствие ограниченности природных и технологических ресурсов, различия уровней экономического развития) (Кравченко, 2017, с. 93). Мастерство переводчика заключается в том, чтобы передать такие коллизионные оттенки смыслов, знаки внутренней диалогичности, не разрушая при этом смысловой целостности соглашения, его консенсусной природы.

Посредством прагматических трансформаций уточняется стратегическая программа текста-источника и акцентуируется определенный аспект нормативного правоотношения. Прагматические трансформации решают, прежде всего, тактические задачи перевода, реализуя локальные тактики уточнения, пояснения, интерпретации всех элементов правоотношения, которое зафиксировано в нормативной статье. С другой стороны, учитывая, что любое правоотношение является одним из звеньев в осуществлении общей коммуникативной стратегии, прагматические переводческие трансформации, “решающие” определенные тактические задачи переводчика, одновременно обусловлены глобальной стратегической программой текста-оригинала.

Проиллюстрируем роль прагматических (тактических) трансформаций на материале текста Конвенции о праве несудоходных видов использования международных водотоков (1997) (“Convention on the Law of the Non-navigational Uses of International Watercourses”).

Концептуальная и прагматическая специфика соглашения определяется основной интенцией коллективного адресанта преодолеть три группы противоречий: 1) между принципом суверенитета каждого из государств бассейна над своей частью международного водотока (“Watercourse States shall cooperate on the basis of sovereign equality, territorial integrity”); 2) необходимостью учета интересов других государств в процессе деятельности по использованию водотока (“taking into account the interests of the watercourse States concerned”); 3) необходимостью учета “интересов” самого водотока (“Watercourse States shall, individually and, where appropriate, jointly, protect and preserve the ecosystems of international watercourses. consistent with adequate protection of the watercourse”).

Основной принцип, закрепленный конвенцией – “equitable and reasonable use” (“справедливого и разумного использования”) связан с концептуальной дихотомией “суверенитет” и “общее благо”, что в тексте проявляется содержательно различными обязательствами прибрежных государств.

Если принцип “разумного” использования водотоков опирается на концепты “контроль”, “экономия”, “охрана / защита”, то принцип “справедливого” использования включает концептуальные составляющие “равенство”, “пропорциональность”, “распределение”, “компенсация”. Несколько утрируя, можно сказать, что “справедливое” (равное,

пропорциональное) использование можно истолковывать и как нанесение государствами ущерба водотоку в равной мере. То есть соглашение “балансирует” между “позитивными” нормами, устанавливающими паритетное распределение ресурсов международного водотока (“an international watercourse shall be used and developed by watercourse States with a view to attaining optimal and sustainable utilization thereof and benefits therefrom”), и “негативными” правилами о ненанесении ущерба водотоку (“Watercourse States shall take all measures necessary to prevent the introduction of species, alien or new, into an international watercourse which may have effects detrimental to the ecosystem of the watercourse”, “Establishing lists of substances the introduction of which into the waters of an international watercourse is to be prohibited, limited, investigated or monitored”, etc.).

Таким образом, авторами Конвенции реализуются три коммуникативные стратегии: 1) выработать единые для всех государств-участников правила поведения, касающиеся защиты водотока (производна от институциональной макростратегии “защита общего блага”); 2) регламентировать права прибрежных государств на использование водотока (производна от институциональной макростратегии “защита суверенитета”); 3) обеспечить права прибрежных государств на пропорциональное / паритетное использование водотока (производна от промежуточной институциональной макростратегии “вуалирование разногласий”): “the promotion of the optimal and sustainable utilization thereof for present and future generations”

Анализ соглашения в переводческом аспекте позволил подтвердить вывод о том, что концептуальная дихотомия основной части связана с многочисленными знаками внутренней диалогичности, которые передаются посредством сложных структур, семантического синтаксиса, лингвальных средств, проявляющих интертекстуальные связи, что усложняет работу переводчика, требуя многочисленных трансформаций.

Прагматические (тактические) трансформации в тексте перевода конвенции связаны с интерпретацией переводчиком стратегий текста-оригинала в стремлении их адекватной передачи, что нередко сопровождается акцентированием определенного аспекта нормативного правоотношения – более четкого, по сравнению с английским текстом, выделения объекта, предмета нормативной статьи, условий и сферы ее применения.

Так, при переводе статьи 18 (1) Конвенции используются прагматические трансформации дополнения, замены и перестановки, посредством которых более отчетливо (по сравнению с оригиналом) выделяются субъект ответственности и основание ответственности:

“If a watercourse State has reasonable grounds to believe that another watercourse State is planning measures that may have a significant adverse effect upon it, the former State may request the latter to apply the provisions of article 12.” – “Если какое-либо государство водотока имеет разумные основания полагать, что другое государство водотока планирует **такие меры**, которые могут иметь для него значительные неблагоприятные последствия, то первое государство может потребовать **от второго государства** применения положений статьи 12”.

Тактика выделения основания ответственности реализуется заменой слова “меры” (measures) словосочетанием “такие меры”. Указательное местоимение-прилагательное, указывающее на признак “мер” (“**такие меры, которые**”; в англ. оригинале – “measures that”) усиливает смысл “отклонение от нормы (от нормативных мер)”, который имплицитно определяется придаточным определительным и связан с когнитивной пропозицией текста “нарушение пропорциональности”. Тем самым тактическая трансформация добавления реализует один из аспектов стратегии “обеспечить права прибрежных государств на пропорциональное / паритетное использование”. С этой же стратегией связана тактика повторного выделения субъекта ответственности посредством трансформаций добавления и кореферентной замены (*от второго государства* вместо *the latter*). Повторная экспликация субъекта (вполне допустимым вариантом русского перевода без ущерба смыслу оригиналу мог бы быть и такой, как: “*первое государство*

может потребовать от второго”) реализует тактику переводчика более четко отграничить (по сравнению с оригиналом) государство – потенциального нарушителя от государства – потенциального истца. Соответственно, указанная тактическая трансформация связана с глубинными когнитивными структурами текста “предупреждение ущерба интересам других государств”, “восстановление пропорциональности”.

При переводе ст. 5 (1) Конвенции используются тактические трансформации перестановки, добавления и замены.

“In particular, an international watercourse shall be used and developed by watercourse States with a view to attaining optimal and sustainable utilization thereof and benefits therefrom”. – “(...) В частности, международный водоток используется и осваивается государствами водотока с целью достижения его оптимального и устойчивого использования и получения связанных с этим выгод”.

Трансформации являются прагматическими, так как реализуют две тактики: а) конкретизации объекта правоотношений (водотока) посредством введения в русский перевод местоимения *его*. Тактика выделения смысла о том, что речь идет именно об “интересах водотока”, реализует текстовую стратегию “защита водотока”; б) уточнения условий осуществления нормативного правоотношения (деятельности государств по использованию водотока), что осуществляется посредством трансформаций синтаксического уровня – с перестановкой, добавлением и заменой элементов (получения связанных с этим выгод вместо *benefits therefrom*), благодаря чему имплицитно задается смысл о том, что при получении выгод государства не должны нарушать интересы водотока. В последнем случае трансформации обеспечивают, на наш взгляд, определенное расширение пропозиционального содержания фразы текста-оригинала (*benefits therefrom*). Так, из оригинала не вытекает смысл о том, что при получении выгод государства должны соблюдать принцип оптимального и устойчивого использования водотока (то есть реализовать принцип “разумного использования”). Другими словами, если в английском оригинале подчинительная смысловая связь между словом “выгоды” и условиями их извлечения (без причинения ущерба водотоку) не является очевидной, а именно: *benefits therefrom* можно истолковать как “выгоды от использования”, то в русскоязычном переводе благодаря указанным переводческим трансформациям ключевым становится не право на получение выгоды от использования (как “позитивная” норма), а “негативное” правило о запрете нанесения ущерба водотоку (то есть получение выгод законно по международному праву только в том случае, если связано с оптимальным и устойчивым использованием государствами общего водотока).

Успешность тактических переводческих трансформаций определяется их адекватностью в реализации стратегий и тактик текста-оригинала. Приведем пример трансформации, которая, на наш взгляд, затемняет прагматический смысл оригинала.

Так, в ст. 18 (3) говорится:

“During the course of the consultations and negotiations, the State planning the measures shall, if so requested by the other State at the time it requests the initiation of consultations and negotiations, refrain from implementing or permitting the implementation of those measures for a period of six months unless otherwise agreed”. – “В ходе этих консультаций и переговоров планирующее эти меры государство, если другое государство просит об этом при направлении им просьбы о вступлении в консультации и переговоры, воздерживается от осуществления или санкционирования осуществления этих мер в течение шести месяцев, если не достигнута иная договоренность”.

При переводе этого пункта используются практически все виды трансформаций с добавлением, перестановкой, заменой, опущением. В частности, имеет место замена морфологических средств лексическими с одинаковым содержанием, синтаксические преобразования с перестановкой

подчинительных частей, замена пассивной конструкции на актив (*if so requested by the other State* на *если другое государство просит об этом*), замена частей речи и др. В результате таких трансформаций несколько искажается смысл оригинала, а именно: указательное местоимение *эти* целесообразно было заменить развернутой трансформацией добавления (“меры, предусмотренные в п.1 настоящей статьи”, или “меры, имеющие значительные неблагоприятные последствия для другого государства”), иначе контекстом может имплицироваться смысл о том, что консультации и переговоры – это и есть те меры, от которой зачем-то должно воздержаться государство, а не от мер, угрожающих интересам других прибрежных государств. В данном случае тактическая трансформация не является, на наш взгляд, удачной, поскольку искажает тактику текста-оригинала, пропозициональным содержанием которой будет следующее: в ходе переговоров, инициированных государством-истцом, государство – потенциальный нарушитель должно пообещать воздержаться от мер, наносящих ущерб другим. Применяя указанную развернутую трансформацию, а также несколько корректируя другие трансформации с целью их максимального соответствия тактическим задачам пункта статьи, предложим собственный вариант перевода: “*В ходе этих консультаций и переговоров государство, планирующее меры, имеющие значительные неблагоприятные последствия для другого государства, должно воздержаться от осуществления или санкционирования этих мер в течение шести месяцев, что осуществляется по просьбе другого государства, инициирующего консультации и переговоры, если об этом не достигнута иная договоренность*”.

Выводы и перспективы дальнейших исследований. В результате исследования мы пришли к выводам о том, что использование прагматических или тактических трансформаций при переводе международно-правовых текстов обусловлено знаками внутренней диалогичности в тексте-оригинале, что, с одной стороны, иконично воспроизводит сложности переговорного процесса и, с другой стороны, выявляет универсальную дихотомию международно-правовых концептов “общее благо” и “суверенитет”. Прагматические трансформации в тексте перевода конвенции связаны с интерпретацией переводчиком стратегий текста-оригинала в аспекте акцентирования определенного аспекта нормативного правоотношения – объекта, предмета нормативной статьи, условий и сферы ее применения.

Одним из возможных направлений дальнейшего исследования проблемы может быть анализ прагматических трансформаций в аспекте реализации международно-правовым текстом-переводом не только институциональных, но и жанровых стратегий и тактик текста-оригинала: перформативности, императивности, диспозитивности (с тактиками митигации, хеджирования, декларативности) и др.

ЛИТЕРАТУРА

- Комиссаров, В.Н. (1991). Культурно-этнографическая концепция перевода. *Картина мира: лексикон и текст (на материале англ. языка)*. (Вып. 375, с. 126-131). Москва.
- Кравченко, Н.К. (2006). *Интерактивное, жанровое и концептуальное моделирование международно-правового дискурса*. Киев: Реферат.
- Кравченко, Н.К. (2012). *Практическая дискурсология: школы, методы, методики современного дискурс-анализа*. Луцк: Вольньполиграф.
- Кравченко, Н.К. (2017). *Дискурс и дискурс-анализ: краткая энциклопедия*. Киев: “Интерсервис”.
- Селиванова, Е.А. (2003). Модель перевода в парадигмальном пространстве современной лингвистики. *Культура народов Причерноморья*. 37, 79-83.
- Селиванова, О. О. (2012). Нова типологія перекладацьких трансформацій. *Світ свідомості в мові*. (455-472). Черкаси.
- Ketabi, S & Ordudari, M. (2008). *Translation Focus*. Isfahan: Chaharbagh Publication.

- House, J. (2009). *Translation*. New York: Oxford UP.
- James, Kate. (2002). Cultural Implications for Translation. *Translation Journal and the Author*. (Vol. 6, No. 4). Retrieved from <http://translationjournal.net/journal/22delight.htm>
- The Implication of Culture on Translation Theory and Practice*. Retrieved from <http://www.translationdirectory.com/article634.htm>.
- Van Dijk, T.A. (1983). Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text*. (Vol. 3-4, pp. 375-404).
- Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York: Cambridge University Press.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

- Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков. Принята резолюцией 51/229 Генеральной Ассамблеи от 21 мая 1997 года. *Конвенции и соглашения*. Взято с http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml
- Convention on the law of the non-navigational uses of international watercourses. 51/229. *Resolution adopted by the General Assembly* [without reference to a Main Committee (A/51/L.72 and Add.1)] Retrieved from <http://www.un.org/ga/documents/gares51/ga51-229.htm>

REFERENCES

- Komissarov, V.N. (1991). Kul'turno-etnograficheskaja kontseptsija perevoda. *Kartina mira: leksikon s tekst (na materialy anglijskogo jazyka)* (Вып. 375, s. 126-131). Moskva.
- Kravchenko, N.K. (2006). *Interaktivnoje, zhanrovoje i kontseptual'noje modelirovanije mezhdunarodno-pravovoho diskursa*. Kyiv. Referat.
- Kravchenko, N.K. (2012). *Prakticheskaja dishursologija: shkoly, metody, metodiki sovremennogo diskurs-analiza*. Lutsk: Volyn'poligraf.
- Kravchenko, N. K. (2017). *Discurs s discurs-analiz: kratkaja entsyklopedija*. Kiev: Interservis.
- Selivanova, O.O. (2003). Model' perevoda v paradigmal'nom prastranstve sovremennoj lingvistiki. *Kul'tura narodov Prichernomorija*, 37, 79-83.
- Selivanova, O.O. (2012). Nova tipologija perekladatskykh transformatsyj. *Svit svidomosti v movi*. (455-472). Cherkasy.
- Davaninezhad, Forogh Karimipur. *Cross-Cultural Communication and Translation*. Retrieved from <http://translationjournal.net/journal/50culture.htm>.
- House, J. (2009). *Translation*. New York: Oxford UP.
- James, Kate. (2002). Cultural Implications for Translation. *Translation Journal and the Author*. (Vol. 6, No. 4). Retrieved from <http://translationjournal.net/journal/22delight.htm>
- The Implication of Culture on Translation Theory and Practice*. Retrieved from <http://www.translationdirectory.com/article634.htm>.
- Van Dijk, T.A. (1983). Cognitive and conversational strategies in the expression of ethnic prejudice. *Text*. (Vol. 3-4, pp. 375-404).
- Van Dijk, T.A. (2008). *Discourse and Context. A Sociocognitive Approach*. New York: Cambridge University Press.
- Konventsija o prave nesudohodnykh vidov ispol'zovanija mezhdunarodnykh vodotokov*. Prin'jata rezolutsiej 51/229 General'noj Assambleji ot 21 maja 1997 goda. Konventsiji i Soglasheniia Взято з http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/watercrs.shtml
- Convention on the law of the non-navigational uses of international watercourses. 51/229. *Resolution adopted by the General Assembly* [without reference to a Main Committee (A/51/L.72 and Add.1)] Retrieved from <http://www.un.org/ga/documents/gares51/ga51-229.htm>
- Дата надходження до редакції 28.08.2018 р. Ухвалено до друку 25.10.2018 р.*